

КОЛСОН
УАЙТХЕД

ПОДЗЕМНАЯ
ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА

Перевод с английского Ольги Новицкой

Москва
Издательство АСТ

Когда Цезарь в первый раз заикнулся о побе-
ге на Север, Кора сказала “нет”.

В ней заговорила бабка. Когда невольни-
ков вывели из подземелья крепости Виды¹,
бабка Кору зажмурилась от слепящего глаза полу-
денного солнца и блеска воды. Она впервые в жизни
увидела океан. В подземелье их держали до прибытия
судна. Охотники из Дагомеи² сперва поймали и уве-
ли с собой всех мужчин из ее деревни, потом, ко-
гда сменилась луна, они пришли опять, забрали всех
женщин и детей и погнали их, скованных попарно,
через джунгли к морю. Вглядываясь в черноту двер-
ного проема, Аджарри думала, что там, в темноте, ее
ждет отец. Уцелевшие мужчины из деревни рассказа-
ли ей, что, когда отец совсем обессилел из-за долго-
го перехода, дагомейцы прикончили его, чтобы не за-
держивал остальных, и бросили у дороги с пролом-
ленной головой. Мать ее к тому времени уже давно
умерла.

По пути в порт бабка Кору несколько раз перехо-
дила из рук в руки, дагомейцы перепродавали ее друг
другу, предлагая взамен то раковины каури, то стек-

1 Вида — портовый город на территории современного Бенина, расположенный в южной части страны, на побережье Гвинейского залива. (*Здесь и далее прим. пер.*)

2 Дагомея — африканское государство на побережье Западной Африки, находившееся на территории современных Бенина и Того. Основано в середине XVII в. и просуществовало до XIX в.

лянные бусины. Трудно сказать, сколько за нее выручили в Виде, потому что после обычных в таких случаях препирательств на ломаном английском вся партия, восемьдесят восемь душ, пошла скопом за шестьдесят ящиков рома и пороха. Здоровые мужчины и женщины детородного возраста ценились дороже подростков, поэтому высчитать точную цену каждого раба в партии — дело сложное.

Шхуна “Нэнни” по пути из Ливерпуля в Виду уже успела зайти в два порта на Золотом Берегу, и капитан предпочел разбавить ранее купленный товар новым. Невольники, говорящие на одном языке, вполне способны и до мятежа договориться. Вида была для “Нэнни” последним портом захода по эту сторону Атлантики. Двое матросов с соломенными волосами посадили Аджарри в шлюпку, мурлыча что-то себе под нос. Белокожие любят черное мясо.

Тлетворный воздух заточения, темный трюм, вопли прикованных друг к другу рабов — все это постепенно сводило Аджарри с ума. Она была слишком юна, поэтому тюремщики не воспользовались ею сразу, но через шесть недель плавания бывалые члены судовой команды не гнушались выволакивать ее из трюма. На пути в Америку она дважды пыталась покончить с собой: один раз пробовала умерить себя голодом, другой — утопиться. Оба раза ей помешали матросы, умевшие распознать планы и намерения живого товара. Когда Аджарри хотела броситься за борт, то не успела даже взобраться на планширь. Нестественность осанки и отчаянье на лице, как у тысяч невольников до Аджарри, выдали ее с головой. И теперь она скована, скована по рукам и ногам, чтобы другим неповадно было.

Сколько они с родней ни старались, чтобы на торгах в Виде их не разлучили, но остальных членов ее семьи купили португальские работорговцы с фрегата “Вивилья”, который, по словам очевидцев, четыре месяца спустя дрейфовал в десяти милях от Бермудских островов. Вспыхнувшая на борту чума уничтожила всех. Местные чиновники приказали сжечь судно и с берега наблюдали, как парусник трещит и тонет. Бабка Кору о судьбе фрегата ничего не знала. До конца своих дней она представляла себе, что ее родные служат у добрых и щедрых хозяев где-нибудь на Севере и занимаются каким-нибудь неизнурительным ремеслом — прядут, ткут, но только не на плантации, только не так, как она. В ее воображении Исаии, Сиду и остальным удалось выкупить себя из неволи, они теперь жили как свободные люди в городе, который называется Пенсильвания, — она однажды слышала, как двое белых разговаривали про это место. Эти сказки дарили Аджарри утешение, когда под тяжестью своей ноши она готова была рухнуть и разбиться вдребезги.

Второй раз бабушку Кору продали, после того как она месяц провела в чумном бараке на острове Салливана, пока карантинный врач не подтвердил, что она и весь живой товар с “Нэнни” здоровы.

Еще один шумный день на невольничьей бирже. Крупные торги всегда привлекали колоритную толпу. В Чарлстон со всего побережья стекались торговцы и агенты, придирчиво проверявшие у выставленных на продажу рабов глаза, суставы, спины, и чтобы без венерических болезней и прочих неприятностей. Под вопли аукционистов зрители поедали свежие устрицы и горячую кукурузу. Рабов на помосте представляли нагишом. Вокруг группы пареньков ашан-

ти — это африканское племя славилось трудолюбием и силой — разгорелся настоящий ажиотаж, и в конце концов надсмотрщик с каменоломни купил негритят за ошеломительную цену. В толпе зевак стоял мальчишка, держащий в руках леденец на палочке, и бабка Кору никак не могла взять в толк, что за штуку он тянет в рот.

Когда солнце уже почти село, агент купил ее за двести двадцать шесть долларов. За нее можно было бы выручить и больше, но рынок в тот год был затоварен молоденькими. Его костюм был из материи блее, чем все, что она в жизни видела. На пальцах сверкали перстни с разноцветными камнями. Когда он щипал ее за грудь, чтобы убедиться, что она в соку, коже было холодно от прикосновения металла. Ей поставили клеймо, не первое и не последнее, и приковали к остальным купленным за день невольникам. Той же ночью скованные цепью рабы начали длинный переход на юг, ковыляя за коляской, в которой ехал агент. “Нэнни” к тому времени уже легла на обратный курс, везя в Ливерпуль сахар и табак. В ее трюмах стало куда спокойнее.

В последующие годы бабушку Кору столько раз продавали, обменивали и перепродавали, что порой казалось, будто над ней висит злой рок. Все ее владельцы почему-то разорялись один за другим. Первого хозяина облапошил мошенник, всучивший ему агрегат, якобы чистивший хлопок в два раза быстрее, чем коттон-джин¹. Чертежи выглядели очень внушительно, но в конечном итоге по распоряжению магистрата Аджарри наравне с остальным имуществом пошла

1 Первая хлопкоочистительная машина, созданная в конце XVIII в.

с молотка за долги. В суматохе ее оценили в двести восемнадцать долларов. Из-за конъюнктуры на местном рынке цена чуть упала. Следующий хозяин скончался от водянки, после чего его вдова распродала имущество, чтобы вернуться на родину, в Европу, где было чище, чем на Юге.

Три месяца Аджарри провела у хозяина-валлийца, который проиграл ее, еще трех рабов да двух свиней в вист. И так раз за разом.

Цена на нее гуляла туда-сюда. Когда столько раз переходишь из рук в руки, поневоле становишься цепкой. Она научилась мигом обживаться на новых плантациях, отличать изуверов-“укротителей” от просто жестоких людей, трутней от тружеников, наушников, которым ничего нельзя говорить, от исповедников, которым можно рассказать все. Хозяева и хозяйки разной степени жестокосердия, поместья, где уровень притязаний отчаянно не соответствовал уровню возможностей. Кое-где плантатор мечтал просто свести концы с концами, но кое-где дамы и господа метили во властелины мира, словно это зависело от площади плантации в акрах. 248 долларов, 260 долларов, 270 долларов. Куда бы она ни попала, всюду сахарный тростник да индиго, кроме одного раза, когда неделю пришлось скручивать табачные листья. Но тут на табачную плантацию заехал торговец, которому требовались рабыни детородного возраста, желательно с целыми зубами и нраву смиренного. Из девчонки она к тому времени превратилась в женщину, так что ее мигом купили.

Она знала, что у белых существует наука, с помощью которой ученые мужи докапываются до сути вещей, чтобы понять, как что работает: как движутся по ночному небу звезды, как в крови происходит сли-

ние различных влаг и соков, какая температура требуется, чтобы хлопок уродился на славу. Собственное черное тело и накопленные наблюдения научили Аджарри своей науке. Каждая вещь имеет цену, и стоит цене измениться, меняется все вокруг. Треснувший калбас начал пропускать воду и стал цениться ниже, чем целый. Крючок, подцепивший сома, ценнее, чем тот, что не удержит даже наживку. Суть Америки в том, что люди в ней — это вещи. Старик не переживет путешествие на корабле через океан, поэтому незачем бросать деньги на ветер. А вот за молодого здорового детину из могучего племени покупатели готовы глотки друг другу рвать. Рабыня, рожающая одного за другим, рождает на самом деле живые деньги, чеканит их как монеты. Если ты вещь — телега, лошадь, раб, — твоя цена определяет твои шансы. Аджарри поняла, где ее место.

Оно в Джорджии. Приказчик с плантации Рэндалла купил ее за двести девяносто два доллара, несмотря на появившуюся у нее пустоту во взгляде, из-за чего она производила впечатление тупицы. И до конца жизни она носа не высунула с плантации Рэндалла. Здесь, на этом острове, откуда не вырваться, и был ее дом.

Замуж бабка Кору ходила трижды. Она питала слабость к широким плечам и большим рукам, так же, как и старик Рэндалл, хотя у хозяина и рабыни были для этого разные основания. Обе плантации Рэндалла могли похвастаться богатым поголовьем рабов: в северной части — девяносто негров, в южной — восемьдесят пять. Обычно выбирала сама Аджарри, когда выбирали ее — смирялась.

Ее первый муж очень уж пристрастился к кукурузному виски, под воздействием которого столь любимые ею большие руки превращались в большие кулаки.

Поэтому Аджарри недолго горевала, когда его уводили прочь, — хозяин продал его на сахарную плантацию во Флориде. Потом сошлась со славным парнем с южной части плантации. Пока его не прибрала холера, он любил пересказывать жене Библию — его бывший хозяин, когда дело касалось рабов и религии, придерживался прогрессивных взглядов. Ей нравились библейские истории и притчи. Белые в таких вещах знали толк. Разговоры о спасении души африканцам были ой как в жилу. Несчастные сыны Хама. Ее последнему мужу проткнули уши за то, что мед воровал. Пока умирал, из ран гной так и шел.

От своих мужей Аджарри родила пятерых детей. Все они появились на свет на дощатом полу хижины, на одном и том же месте. Она частенько грозила им за непослушание: вот тут я вас родила, тут и обратно засуну, коли мать слушать не будете. Научишь их повиноваться себе, так они, глядишь, станут повиноваться хозяевам и на том выживут. Двое померли от лихорадки, бедные. Один, когда играл, наступил ножкой на ржавый лемех плуга и умер от заражения крови. А младшенький, как его хозяин по головке деревянным чурбаном ударил, так глаз больше не открывал. Один за другим. Но зато, как сказала Аджарри женщина постарше, никто их от нее не отрывал, чтобы продать. Это верно, в то время Рэндалл негритят продавал редко. Так что хоть знаешь, где умерли и от чего. Единственным ее ребенком, дожившим до отрочества, была Мэйбл, мать Кору.

Аджарри умерла среди хлопка; комки белой ваты вздымались вокруг нее, словно белые буруны свирепого океана. Последняя из своей деревни, отдавшая концы прямо на поле из-за гули в мозгу, когда кровь хлы-

Подземная железная дорога

нула из носа и на губах выступила белая пена. Прямо среди рядов хлопчатника. А где еще ей было умирать? Свобода предназначалась другим, гражданам града Пенсильвания, бурлившего жизнью где-то на Севере, за тысячу миль отсюда.

В тот воскресный вечер, когда Цезарь обмолвился о подземной железной дороге, а Кора отрезала: “Нет”, — в ней заговорила бабка.

Три недели спустя она сказала “да”.

На этот раз в ней заговорила мать.